

Архип и Улита

Моя прабабушка Ульяна Марковна Толкачева (1907–1978) приняла предложение моего прадеда Кудрявцева Архипа Ивановича (1905–1953) только потому, что в деревне Федоровское Тверской губернии, откуда был родом жених, стояла очень красивая церковь. Православный храм, в прямом и переносном смысле, связал их до гробовой доски.

И Толкачевы, и Кудрявцевы были простыми крестьянами.

Кудрявцевы считались зажиточными, и породниться с ними мечтали многие. Глава семьи Иван Петрович Кудрявцев (1870–1943) был очень рукодельным и работающим. Его супруга Мария Устиновна Кудрявцева (урожденная Гусева, 1870–1942) считалась очень запасливой даже по крестьянским меркам. Груши, яблоки, вишню, бруснику мочили на зиму бочками, солили грузди, капусту — кадками, мед в доме никогда не переводился, излишки возили продавать на ярмарку. Крестьянские семьи Тверской губернии до революции жили в основном натуральным хозяйством, потому возможность получить живые деньги особо ценилась.

В браке у Кудрявцевых родилось шестеро детей: четыре сына и две дочери. Мой прадед по линии отца Архип Иванович Кудрявцев был их младшим, четвертым сыном. Он родился в деревне Федоровское Бель-

ского уезда Высоковского сельского поселения Смоленской губернии в апреле 1905 года. Архип считался «ученым»: страстно любил книги, тянулся к наукам, сам освоил бухгалтерское дело.

Подстать Кудрявцевым были и Толкачевы: Марк Семенович (1875–1935) и Пелагея Родионовна (1974–1948). Люди крестьянские, степенные, трудолюбивые, Толкачевы проживали в деревне Чернушка Нелидовского района. В семье было девять детей: пять сыновей и четыре дочери.

Моя прабабушка по линии отца Ульяна Марковна была шестым ребенком (третьей дочерью) Толкачевых. Крещеная в церкви именем Улита (Юлия), всю жизнь она звалась Ульяна.

До сватовства Архип и Ульяна не были знакомы. Их сосватали родители. Уж больно невеста была хороша. Хозяйственная, не по годам мудрая и рассудительная, да еще и с приданым. Помимо нарядов, постельного белья, посуды и прочих обычных вещей, с ней давали ткацкий станок — «кросно» (бабушка произносила: «кросны»). Станок занимал целую комнату в деревенской избе. В наши дни подобное средство производства можно сравнить с дорогим промышленным станком или с автомобилем.

Ульяна шила, вязала, ткала и пряла. Она умела делать тончайшее полотно. О ней говорили, что она «тонкопряха» — такую характеристику односельчан Ульяна носила с гордостью, как орден. На ярмарках ее изделия охотно покупали.

Ульяне было восемнадцать, а Архипу двадцать, когда они обвенчались. Загадка, как они поладили, уж очень были разные. Но всю свою семейную жизнь уважали друг друга. Ульяна была женщина простая, неграмотная, но вела хозяйство исправно, знала счет, умела подписывать документы. Ульяна смотрела за домом, пока Архип делал карьеру.

7 ноября 1926 году родилась их первая дочь — Анастасия, моя бабушка по линии отца.

Осенью 1927 года Архипа призвали в армию. Архип служил с 28 сентября 1927 г. по 7 октября 1929 г. и дослужился до командира отделения. На срочной службе Архип вступил в коммунистическую партию. Вернувшись из армии, Архип очень скоро стал главным бухгалтером всей сети общественного питания Нелидовского района. Куда бы Архипа не переводили по работе, жена следовала за ним. В 1930 году в семье родился сын Иван.

В 30-е годы Архип был исключен из партии за несогласие с тем, что у крестьян отторгали в колхоз все, вплоть до мелкой птицы и живности. Впрочем, это исключение не помешало дальнейшему карьерному росту.

В апреле 1941-го Архип получил распоряжение о переводе в Москву в Трест лесозаготовительных предприятий. Архип спрашивал мнение жены об этом переводе. Ульяна, конечно, поехала бы с ним, но она считала, что следует отказаться: «Высоко поднимешься, да больнехонько падать». Архип мнение жены уважал и в Москву поехал один, дабы осмотреться на месте.

Сама судьба не дала Архипу остаться в Москве.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В первые дни войны Архип явился в один из московских военкоматов, где получил приказ ехать по месту прописки, куда уже выслана повестка. Потому он поехал проститься с родителями в родное село Федоровское, туда же перевез жену и детей, а далее с повесткой направился в военкомат Нелидовского района.

Архип попал в пехоту пулеметчиком. Участник Битвы за Москву. Был тяжело ранен, контужен, имел награды. В 1942 году Архип Иванович получил инвалидность и остался работать в леспромхозе.

У прапрадеда Ивана Петровича Кудрявцева было четыре сына, но домой с войны вернулся только младший — Архип. Его братья, Иосип, Тихон и Максим Кудрявцевы, погибли на фронте.

В семействе Толкачевых тоже получили похоронки. За свободу родины отдали свои жизни братья Ульяны Марковны, Василий и Филипп, и племянники, Иван и Михаил Толкачевы.

Архип Иванович Кудрявцев умер 7 января 1953 года в поселке Жукопа Андриапольского района Тверской области. Было ему сорок восемь, а его внуку Мише едва исполнилось семь лет. Это была первая в жизни Миши утрата, нестерпимая, горькая, ведь он рос в доме деда, и всю сердцевину своего характера взял от него. Боль утраты Мише помогла пережить любовь бабушки Ули.

Овдовевшую Ульяну Марковну забрал в Нелидово сын, Иван Архипович Кудрявцев, а внука Мишу увезла туда же мать, Анастасия Архиповна, старшая дочь Кудрявцевых. Мише как раз пора было идти в школу.

Так на закате жизни Ульяна Марковна оказалась в городской квартире с «удобствами». Но и там она солила огурцы и грибы, квасила капусту, пекла пироги, варила варенье.

Беспорядка она не терпела, руководила всем в доме. Строгая к окружающим, она до последнего дня и себе не позволяла быть неряшливой, неприбранной. Я ни разу не видела бабушку Улю простоволосой. Свои блестящие черные волосы, разделенные на прямой пробор, бабушка зачесывала назад и заплетала в косу, которую скрепляла шпильками на затылке. Голову она всегда покрывала белым платком. В доме носила тонкий хлопковый платок, поверх которого для выхода на улицу по-

вязывала второй — тонкий нарядный летом или толстый пуховый зимой, что в точности повторяло манеру большинства пожилых женщин в Тверской области начала 70-х годов.

Носила Ульяна Марковна самое простое темное платье из домотканого полотна, хлопчатобумажные чулки и мягкие фланелевые тапочки, которые в те времена сотнями лежали в обувных магазинах. Но самым замечательным в ее наряде был яркий, пестрый фартук с двумя большими накладными карманами. Стоило нам прийти, как бабушка доставала из кармана фартука какое-нибудь припасенное лакомство: конфетку, пряник или орешек. Трудно было угадать, что там, в бабушкином кармане, окажется в другой раз. Я гадала и не угадывала. Иногда мне казалось, что из кармана бабушкиного фартука можно достать любой предмет, лишь бы только она этого захотела!

Как же мне нравилась ее кухня, где царил огромный буфет из потемневшего дерева, доверху набитый мешочками и коробочками, туесками, баночками, жестянками, бутылками и склянками всех мастей! И мука, и корица, и кардамон, и орехи, каких не купишь в магазине, и пучки маковых головок, к которым стоило лишь прикоснуться, и они роняли черные зернышки. И травы, травы, травы... В засохших букетиках и в полотняных мешочках, в бутылках зеленого стекла (это вызревали лекарственные настойки на все случаи жизни). А какой стоял непередаваемый аромат в этом буфете! Мускатный орех! Свежие пироги с яблочным повидлом! И что-то еще неуловимое, чему нет названия... Бабушка потчевала и предлагала еще и еще. И всегда было среди ее угощений что-то совсем новое. Именно у нее я впервые попробовала моченую бруснику, сушеную малину и варенье из крыжовника.

Ульяна Марковна пережила мужа на четверть века. Ей шел семьдесят второй год, когда она скончалась. Мне тогда еще не исполнилось и семи лет. Это была первая утрата в моей жизни. Со временем в душе выкристаллизовались самые примечательные моменты общения с ней.

Когда мы с сестрой повзрослели, отец привез нас в деревню Федоровское. Мы посетили древнее кладбище, где на надгробьях была указана только наша родовая фамилия — Кудрявцевы.

Невыразимое состояние меня охватило. Я думала о том, что в могилах лежат наши предки, но сказать уже ни о чем не смогут, а кровь у нас в жилах — одна. Мое внимание привлекла могила с надписью на камне:

Остановись, прохожий,
И помяни мой прах —
Я уже дома, а ты еще в гостях...

И чуть ниже: «Кудрявцева... 1803».

Я склонилась к камню, на котором оказалось невозможно разобрать имя почившей родственницы, так мистически окликнувшей меня... Увы! Но сам камень, казалось, дышал живым зеленым мхом.

О многом из истории семьи нам с сестрой рассказали внук Толкачевых и Кудрявцевых — Миша, мой отец Михаил Егорович Серебряков, и его мать — Анастасия Архиповна Кудрявцева, а мы стараемся передать эту память своим детям.

Вот несколько историй моей бабушки Анастасии Архиповны Кудрявцевой (1926–2010).

Книга в затертом переплете

Да какие нынче «сонники»? Откуда им взяться-то? Вот я тебе про сонник расскажу... Семья была у нас большая, зажиточная. В соседних домах жили только свояки и сродники. Все у нас было свое: коровы, лошади, свиньи, птица всякая. Сами пахали, сеяли, за скотиной ходили. Без дела никто не болтался, трудились сызмальства от зари до зари. И не напрасно — всего у нас было в избытке. Все сами производили: и муку, и холсты, и масло, и мед. На ярмарке разве что иголки покупали да сахар. Как нам в детстве с братом Ваней сахару хотелось! Меда было своего полно, а нам подавай сахар! Он был в огромных круглых «головках», не белый, а восковой, с желтыми и даже кое-где голубоватыми прожилками. Щипчиками, бывало, мать наколет целую сахарницу крошечных кусочков, и вся семья у самовара чай пьет вприкуску... Вкуснота-а!

Слышала я малой девчонкой от моего деда Ивана Петровича Кудрявцева, который царя Освободителя¹ застал, занятную историю. Давным-давно, еще при моем прадедушке Петре, через нашу деревню проходили путники, чужаки. Попросились они переночевать в наш дом, их пустили, обогрели, накормили, а поутру снарядили в дорогу, хлеба-соли с собой дали, да еще и путь указали. А гости из благодарности за приют книгу в нашем доме оставили — подарили, значит. Книга была старая, в затертом переплете, не разберешь, что на обложке написано.

А книга-то непростая была. Одна часть книги — «Сонник», а в нем перечислены все явления и вещи в мире. Все, как есть, описывалось. Вот снится тебе, положим, женская коса. Ищешь в книге букву «В»: «волосы». Дальше — «какие»: «в косу заплетенные»; и дальше: «длинная коса»,

¹ Российский император из династии Романовых, Александр II (1818–1881). В связи с отменой крепостного права удостоен особого эпитета в русской историографии: «Освободитель».

«короткая», «из седых волос», «из рыжих», или, может, «из кудрявых»; и так смотришь все подходящие особенности той косы из сна. А потом ищешь, «у кого», — может, у тебя коса была, или «у чужой бабы», «у знакомой девицы», «у лысого наяву человека», «у мужчины» и так далее. И «для кого сон» глядишь: мне было бы — «пожилой замужней особе», а тебе — «юной девице».

Про одни только волосы несколько страниц, а буквочки маленькие-маленькие, да подробно все, в самых мелочах описано. И так — обо всем на свете.

А вторая часть книги была — особая: премудрость вековая, советы да указания — как скопить и приумножить добро, как жить в достатке, как урожай вырастить, как скотину лечить. Вот, скажем, сохнет твое поле, нужен тебе дождь. Открываем на букву «Д»: «дождь», далее: «ливень», «косой», «грибной», «с солнцем», «с легким ветром», «с градом», «с громом и молнией», «затяжной» или «короткий». И все там прописано, какие слова нужно сказать, какую молитву творить, как поклониться Матушке-Земле, чтобы нужный дождь твое поле смочил. Знай только запоминай и дивись. Ведь даже по видам посевов дожди подразделялись! Хочешь — для овса дождь, а хочешь — для проса.

Дед мой Иван Петрович сам свою землю обрабатывал. За невестой, бабушкой моей, Марией Устиновной, дали ему приданое — бурелом да ветровал². Вот дед Иван Петрович сам эту землю освоил: то есть расчистил от бурелома, раскорчевал пни, распахал, удобрил и снова распахал. Тебе не понять, на слово верь: не один год труда вложил Иван, даром что мал росточком был, но упертый. Мы, Кудрявцевы, все упертые. Ни много ни мало, а целых тридцать гектаров пахотной земли у деда получилось. Откуда знаю? Так в колхоз все забрали. Сосчитали и забрали.

Так вот, Иван Петрович сам свою землю обрабатывал да мужикам соседским помогал. Село наше называлось Федоровское. В довоенные годы в нашем селе насчитывалось восемьдесят пять дворов. Может, где и сохло, а нашу деревню дожди с солнышком навещали, как братцы с сестрою ласковою, без вражды промеж собой. И как ни выйдешь из дома — тишь да гладь, да небо чистое.

Узнали об этом люди, приезжали из других сел: «Сделай милость, Иван Петрович, научи!» И дедушка учил. Он так говорил: «Сам я делать не стану, но научить — научу!». Но чтобы озоровать — град кому по злобе или молнию шаровую на чужой овин — гнал дед с такими просьбами

² Деревья, поврежденные шквалистым ветром. Полностью поваленные деревья — «ветровал», а оставшиеся стоять на корню с обломанной верхней частью ствола или ветвями — «бурелом».

в шею. Люди о нем знали, что он справедливый был и честный. За науку свою ничего дед не брал.

Много-много лет в нашем доме книга та жила. От деда к моему отцу Архипу Ивановичу перешла. Он был умница-самоучка, книги почитал и любил. У него целая полка была толстых книг — редкость для нашей деревни.

А потом началась смута, революция: то одни прибегут, то другие, власть все менялась, никакой определенности. Отец мой, твой, стало быть, прадед Архип Иванович, в ту пору был в отъезде. Жена его Ульяна Марковна, мать моя, оставалась одна на хозяйстве с нами — со мной и с братом Ваней. А тут по деревням слухи поползли дикие, будто будут «раскулачивать» те семьи, где хозяева крепкие, зажиточные.

Мать моя Ульяна Марковна была хоть и молодая, да мудрая, и рассудила она верно: какая власть не приди, а добра от книг мужниных не будет — все одно найдут к чему придраться, какую-нибудь книгу «опасной» сочтут, а она грамоты не знает, оправдаться не сможет.

Дождалась мама дождливой промозглой ночи, когда все в деревне сидели по домам, закрыв ставни, да и сожгла все книги в печи, страница за страницей. И ту, заветную книгу в затертом переплете, ради покоя нас, детей, сожгла.

Когда отец вернулся, он погоревал, конечно, о своих книгах, да быстро утешился. Вскоре сама жизнь показала, как мама права была.

Из сельсовета к нам приходили, сперва одну корову забрали, потом лошадей. Сами толком не работали, только разоряли чужое хозяйство. А позже обыски устраивали, искали «вредную» литературу, да ничего не нашли. Нашу семью едва в «кулаки» не записали, еще и те тридцать гектаров земли припомнили. Нашего деда Ивана Петровича «баринном» обзывали. Это, дескать, за какие такие заслуги Кудрявцевы такими землями владеют. Иван Петрович не церемонился:

— Может, желаете на руки мои барские глянуть?

Руки у дедушки были загрубевшие в кость — не ладонь, а мозоль одна.

Уж не знаю, урезонил ли их дед, а может, из-за отца моего Архипа Ивановича они отстали — он бухгалтером был, много работал и был нужен при любой власти... Ну, что спросить хочешь? Спрашивай!

— Ты говоришь, что бабушка Уля дождалась дождливой ночи... Дождалась или сама дождь вызвала?

— Теперь мы уж и не узнаем. Я тебе рассказываю так, как мне рассказывала мать.

— Такую книгу сжечь! Как же жалко!

— И мне жалко, внученька! Будут у тебя свои дети, поймешь. Ладно, Стрекоза, отдохнули! Пойдем огурцы поливать!

— А главной тайны мы и не узнаем теперь.
— Это какой такой тайны?
— Как жить в достатке?
— Ну, эту тайну я тебе открою. Трудиться, только трудиться, не покладая рук. Как дедушка наш упертый Иван Петрович Кудрявцев. Вот и вся тайна.

Колхозная мука

В октябре 1941 года, когда наши отступали к Москве, командир собрал все наше село Федоровское и велел все ценное спрятать. Что куда, что-то закопали в лесу, что-то в самом селе, но самое главное богатье³ — мука колхозная. Было решено сделать схрон. На самый черный день. Так вот, мы всем селом всю колхозную муку собрали и в реке спрятали.

Это старый способ, проверенный, дедовский. Если мешок с мукой положить в воду, намокает только верхний слой и сразу образуется корочка, которая защищает муку. Через ту корочку вода далее не пройдет. В реке мука может храниться годами. Только знай, место запоминай, где мешок утопил.

Наши, то есть Красная армия, отступили. А в селе из-за этой муки вышел раскол.

Не прошло и недели, как самые непутевые голодранцы и прощелыги, те, что первыми побежали записываться в колхоз, те, которые нашу семью норовили раскулачивать, тут же собрали сходку и стали подбивать народ вскрыть схрон. Дескать, красные ушли, скоро здесь будут немцы, а пока есть время, давайте делить муку.

Народ не поддержал такое предложение. Люди разошлись по домам. Тогда смутьяны стали ходить по дворам.

Мама моя Ульяна Марковна, тогда еще молодая совсем — тридцать четыре года, на порог их не пустила, отказала резко:

— Не мной положено, не мне и доставать!

— Так детям же твоим голодать! — выложили козырь смутьяны. — У тебя их двое!

— Не ваша печаль, — мама говорит.

И дверь закрыла.

³ Так бабушка произносила слово «богатство».

Страшно было, аж в глазах темно. Ничего не известно, ни радива⁴ у нас нет, ни газет. Ждали с ужасом, что к нам фашисты придут. Люди сказывали, что западнее делается... Даже в нашем ближайшем поселке Нелидово убивали без разбора, молодых угоняли в Германию в рабство, пленных пытали, вешали партизан. Нас только то и спасло, что мы в стороне от дороги. Наше село севернее Нелидова, а вокруг лес — заповедник⁵. Мы же жили до войны, будто часть природы. Вокруг ученые в белых халатах ходят, изучают деревья — елки⁶ особые, которые вроде еще до Ледникового периода были, а мы своей жизнью живем, не пересекаемся. В нашем лесу даже болота имена носили. Одно болото величали «Катин Мох»⁷. Мы туда за ягодой бегали, а фашисты пуще смерти болот боялись! Видимо, это нас в нашем лесу и спасло от оккупации.

В конце января Нелидовский район освободили от фашистов, вернулись наши. Новости нам привезли, что враги Москву не взяли. А мародеров расстреляли по законам военного времени...

Пегая собачка

Душно было тем летом, знойно. Мы в те дни сено ворошили, чтобы с йим⁸, значит, с сеном, до дождей управиться. Жара стояла такая, что с часу на час ухнет грозой, да все никак не разродится. Все утро работали, старшим помогали, а в обед домой ушли с поля — брату моему Ване совсем лихо стало, хворал он. Ваня три дни как ногу повредил: наколол вилами, пока сено ворошили. Нарыв у него образовался. Вот горе-то! У нас ведь на хуторе до войны не то что врача — даже фельдшера не было.

С утра еще куды ни шло, крепился Ваня, а к полдню стало ему ногу дергать, стопа пунцовая стала, аж горит! Привела я его домой, покор-

⁴ Так бабушка произносила слово «радио».

⁵ Центральнo-Лесной заповедник — государственный природный заповедник, расположенный в Тверской области, в верховьях реки Межи к северу от города Нелидово. Село Федоровское расположено на территории этого заповедника.

⁶ С годами мне удалось найти подтверждение бабушкиным словам. Центральнo-Лесной заповедник функционирует по сей день. В нем сохранился единственный в Европе комплекс южнотаежных ельников, не затронутых рубками. В структуре растительного покрова он занимает доминирующее положение (47 % площади).

⁷ Катин Мох и Старосельский мох — наиболее крупные болота заповедника.

⁸ Искаженное «с ним».

мила, да и сели в теньке, на крыльце. Даве⁹ он маялся всю ночь, никак не мог приладиться да уснуть с больной ногой. А тут, после работы на жаре, в тенечке и сомлел. Я сижу, не ворохнусь, тихо-тихо. Почти не дышу. Боюсь разбудить. Я же старшая сестра, понимаю. (Ване было десять лет, мне — четырнадцать).

А возле крыльца пегая наша собачонка крутилась — язык на плечо, тоже тень искала... Да и полезла она на крыльцо. Смотрю, собачка к Ване все ближе, и ближе. Махну ей рукой, уходи, мол; она у нас смышленная была, а тут не слышит, зараза такая. Я ей в сердцах кулаком грожу и шепчу: «Уйди! Не тронь!» — а она не слушает, жмуриться, уши прижала и ближе к Ване подступает. Вся, как есть, половиком по полу распласталась и тихохонько так ползет к его ноге больной. Вот, думаю, сейчас она его всполохнет! И чего ее понесло-то! С жары одурела.

Собачка подползла, мордочкой к его пятке склонилась, обнюхала и... стала зубками ему болячку ту откусывать. Я обмерла, жду, как закричит брат, а он спит. А собачка знай себе кусает и кусает. Вскрыла она ему ту рану лучше любого хирурга, это я теперь знаю, как жизнь прожила и операции мне делали. Зубками так кусь-кусь-кусь... Ваня и не слышал, как у него из раны гной потек. Так она, собачка наша, так и стояла над ним, что врач, ждала, пока вся зараза выйдет. А как кровить стало, она всю его рану вылизала.

А тут и отец с поля идет. Я ему, мол, смотри, что делается. Отец глянул, оценил обстановку, Ваню рукой за лоб трогает:

— Все хорошо будет, — говорит мне. — Собака знает, как надо.

Камчужной травы¹⁰ велел нарвать, я и пошла. Нарвала, намыла, рану мы ему перевязали. Ваня все спит и спит, не слышит нас. А эта пегая собачонка тут же сидит, ушки на макушке, и словно улыбается. Так и сторожила Ванин сон.

А как проснулся, она голос подала. Мы с отцом бегом к нему:

— Ваня! Как ты? Нога как?

— Хорошо, — говорит Ваня. — И не болит, и не дергает...

Глядь на ногу:

— Ой, не слышал даже, как вы мне перевязали.

Отец смеется:

⁹ Давеча (даве) — устар. или прост. Некоторое время назад (обычно в течение текущего дня), незадолго до описываемого момента, накануне.

¹⁰ От слов «камчуг», «камчуга» (несозревший нарыв, или подагра) — общее народное название белокопытника и мать-и-мачехи; два этих растения и внешне, и по лекарственным свойствам похожи, к тому же раньше ботаники объединяли их в один род.

— Мы только перевязали, а за операцию благодари докторшу! — и на собачку ему кажется.

Ваня слушал нас, да только головой покачал:

— Ничего не чувствовал. Чудо какое!

И зажило у него все, как на собаке. Это присказка такая, дескать, быстро зажило. Только рубчик и остался. А собачка пегая так у нас под крылечком и жила. Смышленная была, даром что дворняжка.

Надо же, вот стоит перед глазами, словно и не было этих годов, а как звать ее, и не помню...

Как же нам всем порой тебя не хватает, Пегая Собачка!

